

НАША СТРАНА

Год издания 63-й. Буэнос Айрес, 6 августа 2011

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 6 agosto de 2011 No. 2921

ПАТРИАРХ РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Со смертью 19 июня в Париже "Владимира Рудинского" осиротела не только "Наша Страна", в которой он сотрудничал с самого момента её рождения, - то есть на протяжении 63 лет! - случай, пожалуй, без прецедентов в истории мировой публицистики.

Осиротела и русская политическая эмиграция в целом, чьим глашатаем и компасом он десятилетиями несомненно являлся.

Мужественный участник Русского Освободительного Движения 1941-45 годов; активнейший монархический деятель; верный сын не продавшейся Путину Зарубежной Церкви; талантливый писатель; крупный ученый-лингвист, владевший десятками языков, обладавший энциклопедическими познаниями и совершенно феноменальной памятью; поразительно работоспособный труженик, не переставший писать до последнего дня своей долголетней жизни, Даниил Фёдорович Петров представлял собою целую эпоху в жизни русской политической эмиграции, являлся её богатейшим олицетворением.

Даниил Фёдорович родился в Царском Селе 3 мая 1918 года (в то время это было «Детское Село»; нелепое название «Пушкин» присвоили перед самой Второй Мировой). Сын врача, он окончил там десятилетку. А потом в Ленинграде - филологический факультет, где изучал романские языки.

После начала советско-германской войны, отец с матерью оказались, как и он, в оккупированной зоне, но дальше они потеряли друг с другом связь навсегда.

У него было два старших брата, оба женатые и с детьми. Один - инженер на большом заводе в Ленинграде. А другой - профессор в Воронежском университете, генетик, работавший, в разное время, с Вавиловым и с Мичуриным, боровшийся с Лысенко и Ко, и малость пострадавший, но выкрутившийся.

В советскую армию Даниила Фёдоровича мобилизовать не успели: наступление немцев оказалось слишком быстрым (а до того была отсрочка как студента). Стремясь бороться за освобождение России от коммунизма, он поступил в Вермахт переводчиком, но потом перешёл к испанцам, в легендарную «Голубую Дивизию».

Про ту пору он мне писал 2.6.96: «Хвастаться подвигами, причем многолетней давности, мне было бы как-то даже смешно. Но как факт: я ведь служил у немцев, а часть времени у испанцев. Вы знаете, что испанцы, в самом деле, народ бесстрашный. И мне уж никак нельзя было от них отставать. А когда имел дело с немцами, то тут уж, из национальной гордости, надо было показывать при каждом случае, что русские никак не хуже них; но это уж было сравнительно и

легко. Однако, чем я отчасти и впрямь горжусь было то, что после войны, в проклятые годы Liberation, когда наших выдавали и травили как зайцев, и многие, - с полным основанием, так что нельзя было и осуждать, - были совершенно морально раздавлены, я активно действовал, стараясь людей спасти, и кроме того писал в антикоммунистической печати; это уж, бесспорно, - одним из первых из новой эмиграции!».

И еще он вспоминал о Голубой Дивизии: «Курьезно, что её бойцы чувствовали себя отчетливо преемниками воинов старой Испании. Они часто вспоминали фразу: "En el imperio español nunca se pone el sol". И то, что испанская пехота считалась в своё время лучшей на свете. Так что я каким-то краем приобщился к тому миру, который воскресает под пером писателя Перес-Реверте в его саге о капитане Алатристе... Хотя знамя у нас было не то, которое он описывает, а флаг современной Испании. Странное дело, я этот флаг, когда случается, не могу видеть без волнения; в сознании сразу оживает прошлое».

нацистском СД, - Николая Николаевича Рутченко-Рутыча. В результате, Даниил Фёдорович был им отправлен в лагерь смерти в деревне Натальевка.

Однако приехала комиссия из двух молодых немецких офицеров, проверять дела заключенных и не найдя в его «деле» никаких правдоподобных обвинений, Петрова освободили (а потом этот барак сгорел, и все заключенные с ним...).

Вернуться в «Голубую Дивизию» ему не дали, а направили в отдел пропаганды. Сперва переводчиком, а потом главным образом журналистом в издававшихся по русски антикоммунистических газетах в оккупированной части СССР. Там же работали Н. Н. Лихачёв (позже, под псевдонимом *Светланин*, редактор журнала «Посев», Н. И. Поляков (позже эмигрантский журналист под именем *Н. Осипов*; солидарист, потом отколовшийся), Ф. И. Горб (позже священник и писатель *Фёдор Горб-Кубанский*), Д. Токарев (писавший во время войны как *Дмитрий Доля*, позже в Канаде).

Их начальником был немецкий офи-

переправили в Латвию, в Двинск. А потом уже в Берлин, где их передали в Винету, отдел по русским и советским делам при министерстве Пропаганды. Название было дано в честь легендарного славянского города в Германии, затопленного морем.

В Берлине Даниил Фёдорович работал также переводчиком и по всякой литературной работе, вплоть до его падения - пережил там самые страшные бомбардировки.

В последний момент, когда все бежали, он, с одним из сотрудников, сожгли в бюро на Мюнштрассе брошенные дела с именами и фотографиями служащих, чтобы не попали в руки большевикам.

Из окруженного Берлина он бежал на Запад, пристал на время ко группе французов, добрался до реки Мюле, - а за ней стояли американцы. Чудом смог перейти и выдал себя за француза; его отправили во Францию. Там прошёл три лагеря для Ди-Пи - перемещённых лиц, - последний в Париже на улице Леру.

Выйдя, поселился в русском общежитие на улице Шато де Рантье; работал в библиотеке Школы Восточных Языков. Через корниловского полковника М. Н. Левитова, которого знал по Берлину и встретил придя в церковь на улице Дарю, познакомился с писателем Р. Б. Гулем, а через того с историком С. П. Мельгуновым: сотрудничал в его журнале. Потом перешёл в журнал конституционных монархистов Е. А. Ефимовского.

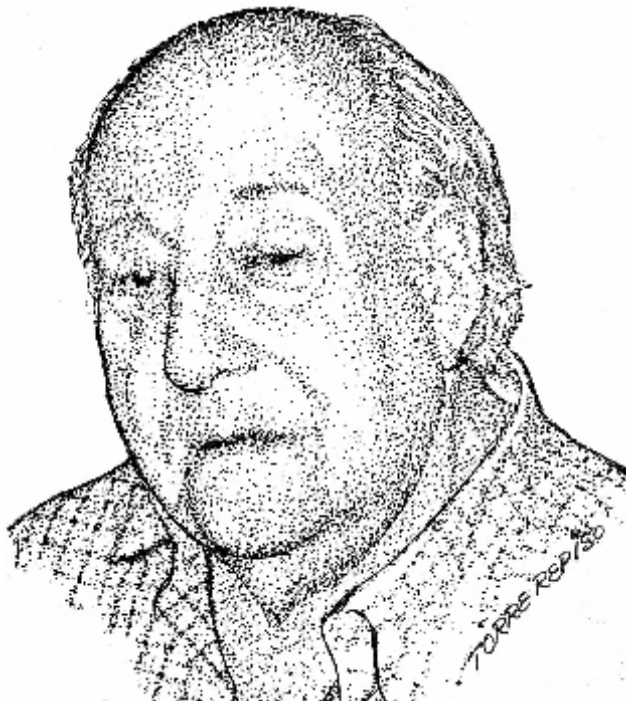
Мельгунов и его друзья организовали комитет, более или менее подпольный, по помощи новым эмигрантам; Даниил Фёдорович туда направлял людей, которые бы иначе дорогу к нему не нашли. Многим помог.

После войны совпатриоты очень на «Рудинского» охотились; но он им втирал очки, что будто родился в Латвии, в семье эмигрантов. И, при разговорах, будто с увлечением начинал рассказывать как хорошо жилось в Латвии и вставлять фразы по латышски. Тут они чесали голову и донести как на советского подданного не решались.

Впрочем, французы выдавали вообще не очень охотно - не чета англичанам. Те уж старались...

Кстати, у Даниила Фёдоровича имелись серьезные доказательства причастия Николая Рутченко-Рутыча к насильственным выдачам русских антикоммунистов Советам после войны.

«Рудинский» писал во множестве журналов выходивших в лагерях Ди-Пи - в Германии, в Италии, особенно у Н. Н. Чухнова, впоследствии редактора ньюйоркского монархического журнала «Знамя России». С Иваном Солоневичем завязал переписку, когда тот был еще в Германии. Первая статья Даниила Фёдоровича под псевдонимом



Волею Божией 19 июня с. г. на 94-ом году жизни в Париже скончался монархический публицист, писатель, полиглот и лингвист, участник Русского Освободительного Движения 1941-45 гг.



**ДАНИИЛ ФЁДОРОВИЧ ПЕТРОВ
("Владимир Рудинский")**

о чем с прискорбием сообщает Редакция "НС"

Немцы испанцев не любили и организовали арест всех русских, служивших в Голубой Дивизии, ища фантастических заговорщиков. Вот тогда Даниил Фёдорович, как он неоднократно рассказывал, попал в руки бывшего энкавдиста и будущего руководителя партии солидаристов НТС, в тот момент служившего в

цер, который в русских делах ничего не смыслил, только строго следил за дисциплиной, а им не мешал. Но кадры подобрал довольно-таки блестящие, судя по их дальнейшей судьбе.

Оперировали близ фронта в разных городах и местечках; долго стояли в Тосне, 50 километров к югу от Питера. Когда фронт покатился назад, их

«Рудинский» появилась в «Нашей Стране» № 6, от 11.11.1948 (!)

В Париже он активно участвовал в общественной жизни, выступал на собраниях, делал доклады. А также проучился два года в Богословском Институте на улице Крими, находящимся в юрисдикции Парижской Архиепископии. Потом его исключили - фактически за то, что поехал в Брюссель на съезд имперцев, не испросив разрешения, хотя это было во время каникул. Там познакомился с монархическим деятелем Н. Н. Воейковым, с которым у него завязалась дружба на всю жизнь.

Затем поступил во Школу Восточных Языков, где изучал малайский, и её окончил. Лингвистикой занимался всю жизнь. По Ленинградскому университету знал языки: французский, испанский, португальский, итальянский, румынский, латынь, английский. По Школе Языков - немецкий. Позже изучал многие другие, включая малайско-полинезийские.

Кроме «Нашей Страны», он писал в парижских «Возрождении» и «Русском Воскресении», нью-йоркских «Знамени России», «Новом Журнале» и «Новом Русском Слове», санфранцисской «Русской Жизни», канадском «Современнике», мюнхенском «Голосе Зарубежья», буэнос-айресском «Вестнике» донского полковника В. В. Шапкина.

Был представителем на Париж Высшего Монархического Совета и монархической подпольной организации «Русские Революционные Силы». Её центр находился в Греции и возглавлялся Николаем Валерьевичем Шейкиным.

Шейкин был арестован за участие в монархическом заговоре в пользу короля и приговорен к пожизненному заключению. Но после был выпущен как тяжело больной сердцем.

Даниил Фёдорович вёл большую научно-исследовательскую работу. Несколькими годами трудился во французском Centre de Recherches Scientifiques, а потом в отделе американского Йельского университета. Там делал резюме научных статей из журналов и книг на десятках разных языков, - по лингвистике, истории, литературе и пр. Как он сетовал, платили, - особенно французы, - гроши. Эксплоатировали иностранных студентов и беженцев.

Работы Даниила Фёдоровича в области лингвистики (он занимался сопоставлением австронезийских и индоевропейских языков), - увы, доселе не обнародованные, - имеют не только научное, но и богословское, религиозное значение, доказывая существование первоначального единого языка человечества, исходящего от одной, и очевидно небольшой, группы. Если не из единой пары. А научное доказательство, что некогда был единый язык у человечества (а значит и общие предки) было бы свидетельством об истинности библейского повествования. И, следовательно, подтверждением христианству.

Статья об этих изысканиях была им напечатана в журнале Orbis, в Лувене, tome XVI, No 2, еще в 1967 году. Потом он многое уточнил.

Один момент работал из Парижа на американском радио в Мюнхене; его завербовал писатель Гайто Газданов. Но возглавитель радиостанции он не подошёл, ни они ему; не из-за качества, конечно,

а из-за политических взглядов. Когда в 1960 г. в Париже ожидался приезд Хрущёва, Даниил Фёдорович, в числе других антикоммунистов, был арестован французской полицией и сослан на Корсику, в город Иль Русс, как опасный для советских главарей монархист. После этого, когда кто из большевицких "вождей" приезжал во Францию, Петрова заставляли являться в участок расписываться.

Даниил Фёдорович создал монархическую группу новых эмигрантов, написавшую обращение Князю Владимиру Кирилловичу. И организовал приём в русской гимназии в предместье Парижа Отейле, где глава Династии встретился с новой эмиграцией. Присутствовали казаки, крымские татары, армяне, власовцы и участники других антикоммунистических воинских формирований.

Всю жизнь Даниил Фёдорович служил своим монархическим убеждениям и ни одной строки не написал, за которую мог бы стыдиться. А о выгоде своей никогда не думал.

После выхода в свет в 2005 году словаря «Русские в Северной Америке» двух Александровых, он мне написал: «Мои анкетные данные (которые горжусь!): Служил в Голубой Дивизии, служил в немецкой военной пропаганде, потом в министерстве пропаганды в Берлине, состоял во многих антисоветских монархических организациях. У нас ведь выходит: все эмигрантские писатели второй волны "вывезены насильно". А это враки!»

В 1995 году в московском издательстве «Звонница-МГ», тиражом в 25.000 экземпляров, - вскоре разошедшихся, - вышла в свет его книга «Страшный Париж». На родине автора, в библиографическом справочнике «Литература и искусство» о ней писалось:

«Этот уникальный, написанный великолепным языком и на современном материале, «роман в новеллах» можно отнести одновременно к жанрам триллера и детектива, эзотерики и мистики, фантастики и современной «городской» прозы. Подобная полифония в одной книге удалась автору благодаря лихо «закрученному» сюжету. Эзотерические обряды и ритуалы, игра естественных и сверхъестественных сил, борьба добра и зла, постоянное пересечение героями границ реального мира, активная работа подсознания, - вот общая концепция книги. Герой новелл «Любовь мертвых», «Дьявол в метро», «Одержимый», «Вампир», «Лицо кошмара», «Египетские чары» и др., оказываясь в водовороте загадочных событий, своими поступками утверждают: Бог не оставляет человека в безнадежном одиночестве перед лицом сил зла и вершит Своё высшее правосудие».

Литературный критик Николай Пальцев писал в журнале «Диапазон»:

«Автор «Страшного Парижа» и большого числа изящных фантастических рассказов-миниатюр, Владимир Рудинский органично сочетает в своём творчестве разные и несхожие мотивы европейского (и не только европейского) фольклора, смело обращается к бродячим сюжетам и персонажам накопленного человечеством за века своего существования гуманистической культуры, неизменно высвечивая в освещённых веками традиции образах и фигурах нестареющее и актуальное для наших современников».

Кроме «Диапазона», Даниил Фёдорович также печатал свои новеллы в редактируемом писателем Владимиром Семёновичем Батшевым франкфуртском журнале «Мосты».

Он делился со мной 12.1.2007:

«Если Вы читаете мои рассказы в «Мостах» могу Вам сделать пояснения. Под *Майдановичем* выведен критик Адамович; а под *Грановой* - общественная деятельница Софья Зернова. А метро, где ловят Майдановича - то, где в действительности находится главная масонская ложа в Париже. Так что это вроде roman a cle. В рассказе «Ночь на Монмартре» речь, понятно, о солидаристах».

В первые десятилетия эмиграции Даниил Фёдорович жил часто впроголодь, все средства и свободное время отдавая служению России и монархической идее. И на протяжении 20-ти лет работал ночным сторожем. Он! Который сделал бы честь любой академии наук!

Невезение в профессиональной жизни (да и в личной, - он не имел семьи), можно отчасти отнести за счёт его весьма тяжелого характера. Но главными факторами несомненно были та травля и то замалчивание, которым он всю жизнь подвергался со стороны масонского фланга русской эмиграции во Франции. Так он и остался - непризнанным гением.

Теперь, после его смерти, что станет с его архивом, который редактор «Вестника РХД», Никита Струве, отказался принять для передачи солженицынскому Дому Русского Зарубежья? Этот вопрос весьма тревожил покойного. В особенности, потому что часть его архива уже была один раз истреблена. Об этом эпизоде он мне писал так: «Безнадежно ранен нестерпимой болью в сердце из-за разгрома учиненного у меня в квартире в начале 1999-го года якобы дружившей со мною И. Паниной (вдовой солженицынского *Сологдина*), когда я находился в госпитале».

Дело в том, что он десятилетиями собирал журналы, где сотрудничал.

Уникальные, нигде не сохранившиеся. На машинке, потом типографским способом, - Чухнова в германских лагерях, Ефимовского в Париже, Сакова в Италии, Шапкина в Аргентине, по французский «Russie-URSS» Майера, и многое другое, всего не пересчитать, чего нет и не будет ни в одном архиве, о чем в России никто не слышал.

Это была его гордость и радость, что он всё это сберег для России. Какой-нибудь Эммануил Штейн, собрав собою долю таких материалов, сделал себе на этом карьеру. А у него была собрана вся монархическая мысль эмиграции за целый период жизни целого поколения!

Даниил Фёдорович мне жаловался: «Это такое преступление, какому и имени нет! Как я мог подумать, что посланные И. Паниной люди откроют стеной шкаф, всё вытащат и уничтожат? В больнице, перед операцией, думая что могу умереть под ножом, я Паниной, - и всем, кто меня посещал, - говорил, что лишь бы сберегли мой архив, что это огромные культурные и исторические ценности, а она послала двух своих клеветников, которые всё уничтожили».

Даниил Фёдорович писал под целым рядом псевдонимов: *Владимир Рудинский, Аркадий Рахманов, Геннадий Криваго, Виктор Штремлер, Елизавета Веденева, Савва Юрченко, Вадим Барбарухин, Гамид Садыкбаев...*

И сам над собой подтрунивал по этому поводу. Он мне писал 10. 8. 1996:

«Мои холуи: Савка, Аркашка, Геннашка, да и Елизаветка, - могут при случае, со мною спорить или мои высказывания дополнять. Но хвалить меня они не должны; иначе, в случае разоблачения, получится очень стыдно и позорно; что я сам себя, под псевдонимами, выдвигаю и поощряю. Забавна мне карьера Елизаветки. Она,

как говаривал Пушкин:

*Все сердца пленяет эти,
Те, те, те и те, те, те.*

Витька Штремлер, по-моему, не в свое дело полез: про Умберто Эко скорее бы уж мог писать Геннашка, который живёт в Италии, знает по итальянски и интересуется литературой. Вот он-то уж наверняка Эко читал, - и в подлиннике».

Свою страсть к употреблению псевдонимов, он объяснял мне так: «Этот вопрос является необычайно болезненным для подсоветских, включая диссидентов. Вы помните истерические упреки национал-большевика Куняева, обливающего меня в трусости за то, что я пишу под псевдонимами. Повидимому Назаров ему сказал, что я в «Нашей Стране» пользуюсь многими. Но мы все, вторая эмиграция, меняли и паспортные имена и имена для печати. Весьма понятно, у каждого оставались в СССР родные и друзья, которых по тамошним законам вполне легально можно и должно было свирепо наказывать за наши грехи. Потому и Башилов и Лидия Норд и Гротов-Ростов скрывались за псевдонимами. Ширяев был сперва *Альмовым*, а если потом расхрабрился, то оттого, что всю семью вывез за границу. Могу уточнить, что Сергей Петрович Мельгунов, человек абсолютно бесстрашный и с опытом подпольной работы, когда я принёс ему статьи, мне велел выбрать псевдоним. Как он объяснил, не хотел брать на себя ответственность, если я пострадаю из-за сотрудничества в его «Свободном Голосе» (менявшем, прочем, названия, от номера к номеру, так как советский посол Богомолов требовал запрещения, и французы ему уступали)».

До последнего издыхания Даниил Фёдорович сохранял верность памяти Князя Владимира Кирилловича. Но был весьма разочарован действиями его потомков. Вот, что он мне писал 3. 2. 1999: «Самое ужасное - поведение Церкви. В России патриарх Алексей явно делает ставку на большевиков, и ужасно, что он сумел подчинить своему влиянию и сбить с толку Династию. Мне от Династии был сделан строгий выговор. А затем, (секретарь Марии Владимировны) Закатов и Вуич прекратили со мною общение. Так что я и сделать ничего не могу. Должен наблюдать пассивно, как воз валится в пропасть... Ну, что я мог, я сделал. И в награду получил лишь оскорбления».

А пять лет спустя, 20.8. 2004 снова сетовал: «Предтеченский Листок» Вуича решительно ориентируется на объединение с Московской Патриархией. Что очень неприятно. Еще хуже дружеские отношения Марии Владимировны с патриархом Алексеем. Как-никак, он - бывший сексот».

Незадолго до кончины, Даниил Фёдорович мне поведал, «Смотря на прошлое, вижу много грехов и ошибок (о чем горько сожалею...). Но подлого, позорного, бесчестного - такого не было, боронил Господь».

А мужественного, благородного, самоотверженного, - скажем от себя, - было страсть сколько!

Так помолимся об упокоении души верного сына Исторической России, раба Божия Даниила. Да будет ему пухом чужая земля.

Николай Казанцев



Волею Божией, 20-го июня, в Буэнос Айресе, на 93-м году жизни скоропостижно скончалась

ИРИНА АЛЕКСАНРОВНА МУХАНОВА
урожд. **ГЕРШЕЛЬМАН**

и 16-го июля, там же, в возрасте 96 лет, отошёл ко Господу её муж

СЕРГЕЙ ИЛЬИЧ МУХАНОВ

Погребение состоялось на Британском кладбище аргентинской столицы, о чем сообщают дочь и сын покойных.

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

ПИСЬМО Е. З. КАРМАЗИНУ ОТ 29 МАЯ 1995

Вы, право, требуете совершенно невозможного! Чтобы ответить на вопрос, что немцы думали о Гитлере, да еще и с 1941 по 1945 год, следовало бы провести анкету во всех слоях общества и по всей Германии. Да и то... Строй-то был всё же тоталитарный. Откровенно говорили разве что в своей семье и среди ближайших друзей. И уж тем меньше с иностранцами.

Немцы как раз практически проникнуты любезной Вашему сердцу теорией, что нет власти еще не от Бога. Будь у них царем монгольский хан, - они бы ему верно служили.

Что они не любят, это безвластия, слабой и непоследовательной власти. А в этом Гитлера никак нельзя было упрекнуть.

Открыто, понятное дело, его не критиковали. А кто критиковал, - я вот познакомился в ресторане с немцем, пожилым артистом, интеллигентом и музыкантом, с либеральным настроением, который нетерпеливо ждал большевиков. Я ему объяснил, что тогда как раз таким как он придется куда как плохо; но он ничего не понял.

Решил, что мол у меня, - или у моих родителей, - отобрали дом или усадьбу, вот я и недоволен; а народ там счастлив и предан Сталину.

Немцы были разные. Например, балтийские, те часто по духу были близки к русским, да и те, что чувствовали себя немцами, понимали, что Россию, теми способами как у национал-социалистов, не завоеешь, что надо бы было совсем иначе.

Впрочем, военные на высших постах и аристократия понимали дело также. Но с ними мне мало приходилось иметь дело.

Солоневич, который жил под домашним арестом в провинции, рассказывает, что приходившие к нему мекленбургские крестьяне, посмотрев на карту России, говорили о Гитлере: *Der Kerl ist verrückt geworden!*

Пока были победы, понятно, немцы радовались; потом прониклись, более или менее, тупым отчаянием; может быть и мыслью, что пусть бы всё скорее кончилось!

Но как раз по мере поражений и режим становился строже, со слежкой, ловлей шпионов и пр. Шпионов, впрочем, особенно советских, хватало.

Положение остовцев, конечно, было безобразное: должны были носить знак "Ost", не имели права входить в рестораны, общественные места и т. п. И тяжелее, чем других иностранных рабочих; те все полу-

чали посылки из дому. А работа у них могла быть разная, более или менее тяжелая. Кто работал в сельском хозяйстве, например, часто жил совсем и неплохо.

Что до нас, в "Винете" (русском отделе министерства Пропаганды), - и, надо полагать, в других министерствах и т. п., - мы были во всем приравнены к немцам, получали такие же как они продуктовые карточки, пользовались такой же свободой (насколько была свобода во время войны). А народ был разный; главным образом интеллигенция. Но на разных уровнях; журналисты, переводчики, машинистки и всякий технический персонал; и семья, у кого были.

Была своя кантина, и неплохая. Много времени от нечего делать проводили в кино (фильмы шли очень хорошие, разных наций, - кроме, конечно, вражеских).

А что до настроения, то все ведь ненавидели большевиков.

Потом выявилось, что и советские агенты были, - в частности одна на вид совершенно безобидная старушка.

Взгляды были разные, иногда и споры; но в общем без ссор.

Были монархисты и демократы; но официально ни то, ни другое немецким властям не подходило. Служили и работали рядом русские и немцы, настоящие и фольксдейче, балтийские немцы и прочие, без видимой разницы в положении.

Конечно, все очень переживали положение пленных и остовцев, возмущались действиями немцев в России, старались добиться улучшения в этом смысле, сочувствовали РОА и антисоветским партизанам; позже и активно с ними сотрудничали.

Рядом работали сепаратисты, - украинские и прочие. Они то были такие же как теперь. Но в целом их поддерживал Розенберг в своей Остминистерстве.

Были отделы, где работали англичане, индусы, тем более итальянцы и прочие, но мне с ними не приходилось иметь прямых контактов.

Морально, понятно, разные были люди, симпатичные и нет. Но, в общем, как всегда на войне, жили одинаковыми интересами и разногласия сильно не сказывались. Разве что по работе. Но там, опять же, на высших-то постах сидели немцы и главные решения принимали они.

Даниил Петров
(Владимир Рудинский)

К 70-ЛЕТИЮ РУССКОГО КОРПУСА

«В ОПАСНОСТИ - СПОРТСМЕН»

Сергей Николаевич Флегинский родился 20 января 1901 года в Тифлисе, а умер на теплоходе по пути в Уругвай в порту Барселоны 17 февраля 1972 года. Похоронен в Монтевидео.

В 1911 году был принят в Александровский кадетский корпус в Санкт-Петербурге. В 1919 г. в Екатеринодаре поступил в Константиновское Военное Училище (67-й выпуск). 18 декабря 1920 г. в Галлиполи выпущен подпоручиком в Гвардейский Батальон.

В Гражданскую войну с 1918 года - рядовой в составе Добровольческой Армии, затем с февраля 1919 г. юнкер Константиновского Военного Училища. За участие в боевых действиях в Крыму и десанте на Кубань в 1920 г. награжден двумя Георгиевскими крестами 4-й степени. Четыре раза был ранен. 2 ноября 1920 г. эвакуирован в составе училища на военном транспорте «Дон». Галлиполиец. После передислокации пехотных частей в Болгарию, недолго работал там на угольной шахте. До 1945 года проживал в Югославии, работал маляром и учился в землемерном техникуме, был начальником геодезической партии, совладельцем предприятия по изготовлению брусчатки и строительству дорог.

С 1941 по 1945 г. в составе Русского Корпуса на Балканах: поручик, командир отделения 4-го взвода 5-й сотни 1-го полка, командир охотничьей команды 1-го полка, командир взвода 9-й роты 3-го полка, лейтенант, командир роты, капитан. Был ранен, получил боевые награды.

Его командир роты Е. Смола-Смоленко в своих воспоминаниях дал Сергею Николаевичу такую характеристику:

«Мой заместитель - командир 1-го взвода, лейт. С.Н. Флегинский, исключительно храбрый офицер и, если можно так сказать, спортсмен в опасности. Это его качество немало меня беспокоило и заставляло довольно часто удерживать его буйные порывы».

Но именно это качество в бою под Шолубари 21 мая 1943 г. позволило ему атаковать 20-тикратно превосходящего противника и вывести

разведку из окружения. Подчиненные вспоминали, что Сергей Николаевич никогда не одевал каску, а носил только офицерскую фуражку; уложив людей на землю, ходил во весь рост под огнем противника и успокаивал их.

Вместе со всеми частями Корпуса 12 мая 3-й полк перешел Драву, сдал оружие англичанам и стал лагерем возле Клагенфурта. Узнав, что в окрестностях орудуют агенты СМЕРШа, выкупающие за деньги у местных фермеров бывших советских граждан, Сергей Николаевич со своими бойцами обошел округу, предупреждая людей. Всех желающих отправлял в лагерь Корпуса в Тигринге, где им выдали бумаги о том, что они являются членами семей корпусников.

В лагере Келлерберг пребывал в 1945-1949 гг. Будучи в нём, Сергей Николаевич предпринял вылазку на территорию Германии в поисках своих однополчан. Попав во французскую зону оккупации, при переходе границы был арестован и на несколько месяцев заключен в замок Купштейн. В феврале 1949 года выехал в Аргентину. С августа 1950-го - в Уругвае. Состоял в Союзе Чинв Русского Корпуса, был председателем ревизионной комиссии в Аргентинском отделении Союза, а также числился в Гвардейском Объединении в Париже в составе Лейб-Гренадерского полка.

Родным и близким (его жена - Елена Алексеевна, дети - Сергей и Инна) Сергей Николаевич запомнился смелым, решительным, энергичным, до конца исполнявшим свой долг, в то же время, любящим отцом и мужем, верным товарищем...

А. А. Тлустенко

Публикация подготовлена по материалам семейных архивов Николая Михайловича и Сергея Сергеевича Флегинских, архива журнала «Наши Вести», книг «Чины Русского Корпуса» С. В. Волкова и П. Н. Стрелянова и «Офицеры российской гвардии: опыт мартиролога», С. В. Волкова, материалам сайта «Гвардейское Объединение».



Союз Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского сообщает, что по случаю исполняющегося 12 сентября с. г.

70-ЛЕТИЯ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ РУССКОГО КОРПУСА НА БАЛКАНАХ

в воскресенье 18 сентября, после Божественной Литургии, в храме Святого Сергия Радонежского в Вижа Бажестере, провинция Буэнос Айрес, митрофорным протоиереем Владимиром Шленевым будет отслужен

БЛАГОДАРСТВЕННЫЙ МОЛЕБЕН

и Лития по всем бойцам Русского Корпуса за Веру, Царя и Отечество на поле брани живот свой положившим и в мире скончавшимся.

Смирненное имя

Не знаю большего удовольствия, чем открыть для себя нового писателя.

В обшитой дубовыми панелями монастырской библиотеке мне попался толстенный томик сочинений литератора с немного тяжеловесным именем Василий Акимович Никифоров-Волгин. Писатель скромный, лукаво не мудрствующий. Сначала веселые картинки детских воспоминаний просто вызывают улыбку, но улыбку добрую, какой мы улыбаемся не так уж часто. «Отец дал мне пятачок (и в этом тоже был праздник). Я купил себе на копейку боярского квасу, на копейку леденцов (четыре штуки) и на три копейки «пильсинного» мороженого. От него у меня заныли зубы, и я заревел на всю ярмарку. Мать утешала меня и говорила:

— Не брался бы, сынок, за городские сладости! От них всегда наказание и грех!

Она перекрестила меня, и зубы перестали болеть».

Это не тенденциозные подделки под крестьянскую жизнь из азбучных рассказов позднего Льва Толстого.

Это настоящее крестьянское детство, с любовью выписанное образованным человеком из народа.

«В субботу церковь вспоминала чудо великомученика Феодора Тирона. В этот день в церкви давали медовый рис с изюмом. Он мне так понравился, что я вместо одной ложечки съел пять, и дьякон, державший блюдо, сказал мне:

— Не многовато ли будет?

Я поперхнулся от смущения».

Детские годы Никифорова-Волгина напоминают шмелевские. У него тоже «выпаривают» Масленицу, тоже идут в Чистый Понедельник на постный базар... Но Шмелев в большей мере бытописатель. Никифоров-Волгин как-то литургичнее, что ли. Крашение яиц и выпекание куличей — все это для него лишь фон, на котором проходит перед глазами ребенка годичный богослужебный круг. И сами названия многих рассказов словно из календаря взяты: «Торжество православия», «Великая суббота», «Радуница», «Отдание Пасхи». Но это вовсе не скучно. Никифоров-Волгин отвечает на вопрос: а каким он был — простой православный человек начала XX столетия? А вопрос этот на самом деле важен жизненно.

Не к чести, к сожалению, белой эмиграции, в ней долго бытовало вложенное Набоковым в уста пошляка Алфеева: «Народ-богоносец оказался сволочью». Тэффи — и та описывает мужика каким-то косматым зверем, простоудушно предлагающим помещику купить задорого у него же «реквизированный» хлеб. Нужды нет, когда пылает разоренное родовое гнездо, хочется ли разбираться, что красного петуха пускал не зажиточный Сидор, а пьянчужка Пахом? А Сидор-то смотрел с ужасом да крестным знаменем себя осенял.

А восстановить справедливость надо, хоть через многие десятилетия. Хоть бы теперь нам признать, что в деревне от революции выгадал только отброс крестьянского сословия. Что молох пожрал всякого, у кого были руки и голова, что каждый толковый мужик попадал в «кулаки».

Впрочем, выигрыш сельского люмпена был недолог. Неокрепостничество ввергло сельскую гольтубу в состояние куда более жалкое, чем прежние дни

беспечного пьянства, — в состоянии колхозное. Иной раз я не могу себе ответить на вопрос, жалко ли мне предвоенных и послевоенных колхозников — беспаспортных, бесправных, нищих, работавших за палочки трудовой?

А ведь не всегда жалко. Что заслужили, то и получили. Случайно ли, что как только с колхозника перестали драть три шкуры, мы из экспортирующей хлеб страны превратились в импортирующую? Колхозы — объединения потомков тех, кто работать не умел никогда. И если русской деревне вообще суждено возродиться, то поднимут ее уставшие от шума мегаполисов горожане.

Сознавать это неприятно. Но куда от правды денешься? В нынешних учебниках не говорится, что большевики начинали устанавливать свой порядок с геноцида крестьянства.

Французский историк Ренальд Сеше говорил мне, что Ильич нарочно изучал во Франции опыт революционного геноцида крестьянства, примененный в Вандее. «Крестьянин» синонимичен «христианину». Крестьянство, оплот религиозной традиции, несовместно с утопиями. Потому и должно быть уничтожено, истреблено.

Лучезарные картинки детства сменяются в прозе Никифорова-Волгина другими, люто страшными. Повесть «Дорожный посох», рассказывающая о крестном пути сельского священника в годы гонений, несомненно, заслуживает того, чтобы войти в школьную программу. Войдет ли?

«С превеликим трудом достали горсточку муки для просфор. Литургийный хлеб стал теперь ржаным — почернело Тело Христово».

Можно ли этого не знать, можно ли это простить:

«— Ройте яму!.. — приказал нам Бронза. — Душ... эдак... На семь!.. — Вот и конец...»

Игумен Амвросий с трудом работал заступом. Китаец толкнул его в спину, и он упал на камень, разбив себе подбородок. Седая борода его окрасилась кровью, и он как-то беспомощно улыбнулся... Яма была вырыта. Мы едва переводили дух от усталости, и всем нам очень хотелось поскорее отдохнуть.

— Ну-с... Отдыхайте маленько, — сказал нам Бронза, закуривая папиросу, — а потом встаньте под рядовку, затылками к яме!»

Нет, это еще не конец, это всего лишь изощренное издевательство над беспомощным духовенством, «репетиция» расстрела. Яма покуда нужна для других:

«В это время подъехал к нам грузовик, нагруженный чем-то тяжелым и — как мне почудилось — страшным. Груз был покрыт влажным брезентом. Нам скомандовали:

— Разгрузить!

Мы сняли брезент. На грузовике лежали мертвые тела. Среди них мальчик лет десяти, в матросском костюме, с перебитым до мозга черепом».

Особенную пронзительную достоверность этим строкам придает знание, что автор их сам не избежал мученического венца. Никифорова-Волгина расстреляли в мае 1941-го... Ему был 41 год. Ровесник века. Смирненный писатель, заплативший жизнью за Слово.

Промемон

ЕЛЕНА ЧУДИНОВА

ПЕЧАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА ВЕЛИЧАЙШЕГО ЮМОРИСТА

Полвека тому назад холодной апрельской ночью я стоял на пустынной замоскворецкой улице и, волнуясь, поминутно сбиваясь, в буквальном смысле слова объяснялся в любви невысокому человеку с изможденным лицом и потухшим взглядом. Это был мой тогдашний кумир — великий, неповторимый, никем не превзойденный Михаил Михайлович Зощенко. Я восторженно твердил ему, что о нем, о его творчестве должны быть написаны томы и томы и что я сам со временем непременно напишу о нем...

Мой отец, писатель Виктор Ардов, был известным юмористом и при том другом и почитателем Зощенко. В свое время мой родитель писал:

«Утверждаю, что в русской литературе никогда не появлялось ничего более смешного, чем рассказы Зощенко.»

Но судьба величайшего юмориста была трагичной. В начале пути — успех, слава, материальное благополучие... А в конце жизни — поношение, нищета, предательство многих друзей, недуги... В определенном смысле он разделил судьбу знаменитостей своего поколения, таких как Ахматова, Пастернак, Булгаков... Но в отличие от этих людей он искренне верил в то, что узурпаторы-большевики принесут России истинное благо.

А когда сталинский режим на него ополчился, для Зощенко это обернулось величайшей трагедией. Его опозорили и лишили средств к существованию в 1946-м, когда было опубликовано чудовищное «Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград».

На моей памяти Михаил Михайлович приходил в наш дом дважды. Первый раз весной 1954-го, в самом начале «хрущевской оттепели». Тогда он казался оправившимся после страшного сна... Прошло больше года со дня смерти Сталина, у Зощенко стали выходить книги... Во время той встречи они с моим отцом строили планы — хотели основать новый юмористический журнал.

Увы! — планам этим не суждено было сбыться, а Зощенко в скором времени еще раз поставили к позорному столбу. Это произошло по-

сле его встречи с английскими студентами, во время которой он позволил себе публично усомниться в абсолютной правоте сталинского ЦК. И опять его лишили возможности публиковаться...

Второй раз я видел Зощенко за четыре месяца до его смерти, в апреле пятьдесят восьмого года. Меня поразило то, как плохо он стал разговаривать. Слова выходили у него с трудом, как будто ему больно было их из себя выталкивать.

У меня была одна из его книг — «Избранные рассказы и повести 1923-1956». И я получил автограф: «Мише Ардову на память от Мих. Зощенко 6 апр. 58 г. Москва.»

Когда стали ужинать, я, до того сидевший в углу комнаты, придвинулся к столу и сел около него. Моя мать сказала ему, что я его большой поклонник и, как она выразилась, знаток. Он впервые взглянул на меня с интересом и сказал, что, если бы знал об этом, сделал бы мне на книге более теплой надписи.

За ужином он ничего не пил и не ел.

Когда Михаил Михайлович стал прощаться, я вызвался проводить его до метро. Он сначала отказывался, но когда мать поддержала просьбу, согласился.

Мы вышли в мокрую и холодную весеннюю ночь. Он спросил меня, правда ли, что я так им интересуюсь. Я ответил, что он мой любимый писатель, и если время позволит, я буду писать о его творчестве. Он спросил меня, знаю ли я его повесть, на что я ответил, что знаю и люблю.

Те двести пятьдесят метров, которые мы с ним прошли (дальше он себя провожать не позволил), промелькнули мгновенно, а я все еще говорил ему, что думаю об его отдельных вещах, задавал ему вопросы... Он охотно отвечал мне.

На прощанье он обещал мне надписать свою книжку, которую вот-вот должны были выпустить. И добавил, что если я ее не достану, то он сам пришлет мне...

Книгу эту я раздобыл, но это произошло в сентябре — через два месяца после его кончины.

Протоиерей Михаил Ардов

ГДЕ ИВЕРСКАЯ ИКОНА?

При всём уважении к памяти покойной Ирины Фёдоровны Вербицкой, должен сказать, что она заблуждалась в своём предположении будто Монреальская Иверская Мироточивая Икона Пресвятой Богородицы таится в Леснинском монастыре во Франции.

Когда её хранителю, Брату Иосифу Муньосу в своё время разрешили вывезти Икону из Греции, игумен Климент ему наказал: «Когда Тебя больше не будет, она должна вернуться на Святую Гору Афон».

Брат Иосиф предчувствовал, что его жизнь в опасности. За несколько часов до своей мученической кончины, он позвонил одному из своих канадских друзей и сказал: «со мной должно случиться что-то очень плохое». Причём за неделю до этого, Икона перестала мироточить — что тоже было знаменем для Хосе.

Так что нет сомнений, что ввиду всего этого, он распорядился возвратить святыню на Афон. Впрочем даже если допустить, что Икона таится нынче в Леснинском монастыре, — во что я категорически не верю, — то всё равно убившие Хосе сатанисты достигли своей цели: изъять её из обращения. Ведь посещая различные страны, Икона поднимала веру в людях, чему убийцы её хранителя и стремились помешать.

Однако, повторяю, теперь она, стопроцентно, — снова на Афоне.

Б. Гасан